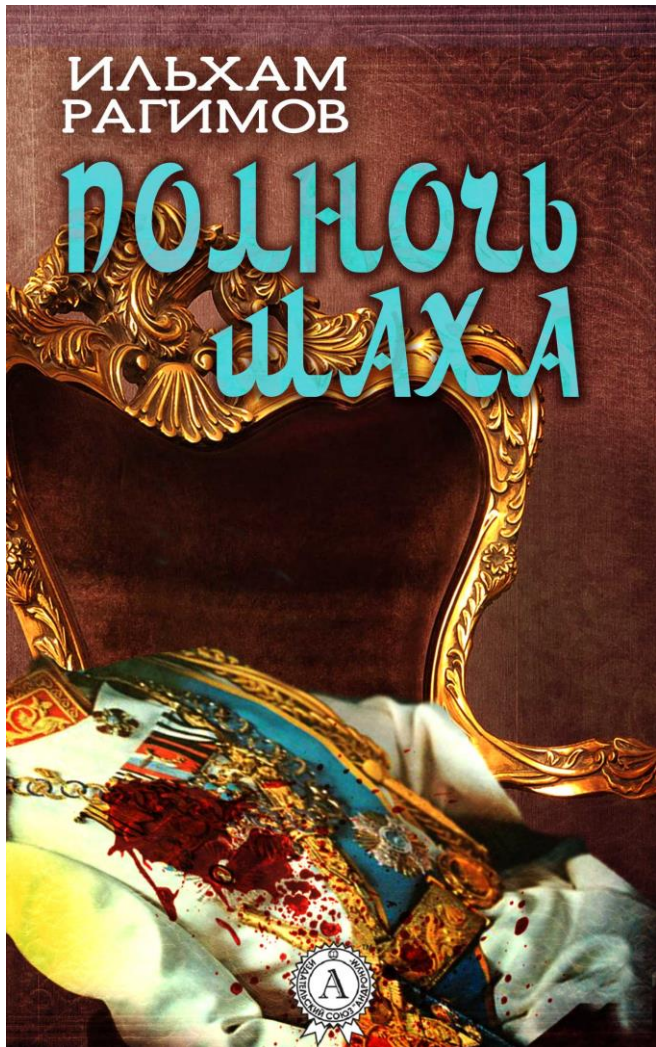

ИЛЬХАМ
РАГИМОВ

ПОЛНОЗЬ ШАХА

«Полночь шаха» — продолжение романа «Восточный ковер». Сюжет романа разворачивается 6-10 годами позже событий и мест, указанных в романе «Восточный ковер», в котором описываются непримиримая вражда между шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви и премьер-министром Мохаммедом Моссадыком. В результате этой политической борьбы в Иране разгорятся события, которые повлияли в дальнейшем на судьбу Ближнего Востока и всего мира. В противоборство вступают спецслужбы Великобритании, США, Франции и СССР. Одним из главных действующих лиц вновь является Рустам Керими.

Ильхам Рагимов ПОЛНОЧЬ ШАХА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 1949-52 гг.

Глава 1

Тегеран. Февраль 1949

Оружие он получил вместе с подробной инструкцией. Любая оплошность означала провал тщательно спланированной операции. И потому он слушал и запоминал... Готовящийся на рассвете заговор должен был изменить целые судьбы — и не только его страны, но, возможно, всего Ближнего Востока и даже мира в целом.

Обыкновенный тегеранский парень, он понимал всю значимость возложенной на него миссии в этой непростой политической игре, затеваемой большими политиками. Содрогнувшийся иранский вулкан грохотал с новым бешенством, извергая лаву очередных великих перемен, в огне которой сгорят новые жертвы. И все же, думал он, почему события, меняющие ход мировой истории, должны

происходить именно в его, измученной междоусобицами стране? Сколько еще внешних и внутренних конфликтов предстоит пережить этой древней земле, чтобы на ней воцарились мир и порядок? Казалось бы, только вчера в ООН одной из острых тем обсуждения был Азербайджан — яблоко раздора для великих держав, лакомый кусочек, стоивший жизни тысяч невинных людей, и вот уже грядут новые потрясения. Как долго капля нефти в глазах политиков будет стоять дороже крови несчастных простолюдинов?

Ответов на все эти вопросы он не знал. По большому счету, он был всего лишь исполнителем. На его плечи была возложена не менее значительная роль — роль рычага, способного перевернуть мир: стоило лишь нажать на курок пистолета, хитро встроенного неким изобретательным мастером в корпус фотоаппарата.

Возможно, ему придется пожертвовать жизнью; что ж, тогда его имя — имя мученика, шахида — останется в памяти сограждан символом истинной доблести. Его нарекут героем, положившим конец презренной антинародной монаршей династии! Поэты и певцы будут слагать о нем легенды. Великий подвиг простого тегеранского парня увековечат в народной памяти. Его именем иранцы будут нарекать своих детей. Даже, возможно, улицы и площади городов

Великой Персии!.. Мысли о посмертной славе уносили его к вершинам.

Он знал, на что идет. И никакие обещанные материальные блага не играли тут никакой роли — слава героя была выше земных наслаждений!

— Дай руку, — седобородый инструктор крепко сжал сухие ладони молодого террориста. — Не дрожишь? Молодец, Насер. Ты смелый парень. Мы не ошиблись, когда выбрали тебя, — инструктор знал слова, какие хочет услышать человек, решившийся на отчаянный шаг. — Не боишься?

— Нет, — Насер улыбнулся краешком губ. — Не боюсь.

Насер Фахрарай не лукавил. Ему не было страшно. Единственное, что он ощущал сейчас, — то острое возбуждение, подавлявшее импульсы всех иных чувств.

— И все же будь осторожен! Самоуверенность может тебя подвести. Пехлевийские ищейки не дремлют. Почуют неладное — не доберешься до цели.

Цена жизни самого Насера уже в расчет не шла. Он и сам понимал: выбор был сделан добровольно.

— Я сделаю все, как вы учили, — его глаза блестели в полумраке комнаты, освещаемой тусклым мерцанием керосиновой лампы.

— Постарайся подобраться шагов на десять. С большей дистанции не стреляй. Медлить тоже не нужно. Чем ближе, тем больше риск, что тебя вычислят и схватят. В толпе полно его людей, и чем ближе, тем больше.

— Да, знаю. Я не подведу.

— Когда ты сделаешь это, весь иранский народ будет молиться за тебя! — с пафосной нотой в голосе сказал седобородый, и его глаза в этот момент были наполнены осознанием великой миссии, возложенной на них. — Ты станешь героем нации.

Он поцеловал Фахрарая в лоб и почти торжественно протянул фотоаппарат, обернутый в большой черный платок — такими иранские женщины покрывают свои головы.

— Помни! Чем бы все ни закончилось, ты не должен попасться им в руки живым! Думай о товарищах. Ты не имеешь права на предательство.

— Нет, учитель, живым меня не возьмут.

— Да благословит тебя Аллах!..

Инструктор задул лампу, и комната погрузилась в беспросветный мрак. И лишь по легкому скрипу двери и полоске утреннего света, упавшей на узор ковра, можно было догадаться: террорист Насер Фахрарай вышел из дома, предавая себя роковым обстоятельствам февральского утра четвертого числа.

Молодой шах стоял перед зеркалом.

Жеманно порхая возле монаршей фигуры и напоминая яркого махаона, хлопотливо облетающего благоуханный цветок, придворный куафер колдовал над его шевелюрой.

Послышался стук. Стоявший у двери офицер охраны в чине полковника лениво приоткрыл створку, едва заметно кивнул и снова закрыл дверь.

— Ваше Величество, все готово к выезду.

Шах не ответил.

Он любовался своим отражением. Вытянул губы, надул щеки, повернул голову в одну сторону, в другую... Бритые без порезов, прическа на месте, мундир тоже сидит безупречно.

Поскольку никаких заслуг перед отечеством Мохаммед Реза пока не имел (а многие считали, что он не обладает и задатками, необходимыми для завоевания подобных заслуг), шах справедливо полагал, что, выходя к толпе, собравшейся у Тегеранского университета, он, по крайней мере, должен идеально выглядеть.

— Свободен, — вяло произнес шах.

— Слушаюсь, — кивнул парикмахер и бесшумно удалился.

— Поехали, Мухтадир, — так же вяло

скомандовал Мохаммед Реза и неторопливо направился к двери.

* * *

— Едут!

При появлении кортежа толпа загудела, как будто кто-то постучал палкой по дремавшему прежде улью.

В числе взглядов, любопытно и жадно устремленных в сторону приближавшихся автомобилей, был и холодный взгляд Фахрарая, как бы между прочим смотревшего в видоискатель своего фотоаппарата — оружия смерти с затаенным пистолетным стволом. Кто бы прочел его мысли, глядя на эту непроницаемую, начисто лишенную всяких эмоций физиономию? Это сегодня, с помощью специальной техники легко вычислить вызвавшего подозрения странного типа из многотысячной толпы — по едва уловимым движениям, взглядам, жестам, но в ту пору, в середине двадцатого века, это было за гранью возможного.

Итак, никто не обращал внимания на парня с фотоаппаратом. И уж тем более никому не приходило в голову, что Фахрарай имеет столь дерзкое намерение — убить правителя Ирана!

— Да здравствует шах! — взорвалась толпа

криками, когда Пехлеви вышел из машины.

Шах слабо улыбался, приветствуя свой народ едва заметными кивками. Охрана образовала плотное кольцо вокруг монарха, ограждая его от ликующей, безудержной толпы.

И тут вдруг вся эта суета с протягиванием рук, взвизгами, бросанием цветов, вся эта давящая суতোлка приобрела в глазах Насера Фахрарая вид некой отстраненной пестрой картинки, в которой ему была отведена роль неучастного к происходящему наблюдателя. Он видел все, что творилось, и даже предугадывал каждое новое движение в толпе со стороны, словно из иного пространства, причем одновременно с разных точек — и справа, и слева, и сзади, и сверху...

Толпа теснилась. Все они были словно марионетки — с разинутыми ртами, смеющимися лицами... А вот и тот, с плотно стиснутыми челюстями — молодой репортер с зажатым в руках фотоаппаратом. Он пробивается к шаху как можно ближе, ближе...

В какой-то момент Насер поймал на себе испуганный взгляд монарха... Щелк. Мохаммед Реза зажмурился, отшатнулся, лицо его исказилось... и так же мгновенно исказились лица офицеров охраны. Теперь он видел их замедленные, как в старом кино, движения: руки тянулись к кобурам, чтобы выхватить оружие и направить на

этого молодого репортера с камерой в руках... Репортера? Да нет же — террориста, из фотоаппарата которого начали вылетать не милые «птички», а смертоносные пули!

Затем он увидел облака дыма, заставшего взор, услышал несколько оглушительных выстрелов. Зато вой испуганной толпы почему-то ускользнул от его слуха. Люди разбегались, кто-то прятался за колонны, кто-то просто ложился на землю, наивно полагая, что если он обхватит голову руками, то спасется от шальной пули. Женщина упала прямо на лестнице! — ничего страшного, обыкновенный обморок...

Он с интересом следил за тем, как охранники шаха дырявили пулями тело террориста. Он не только видел это окровавленное тело, но и неким странным образом ощущал на себе стекающие горячие струйки крови, его ноздри щекотал этот дурманящий запах парной крови... Неужели вот эта безжизненная плоть совсем недавно была им самим?... Выходит, это он истекает кровью, наблюдая за собой откуда-то сверху и не понимая, почему нет боли?... Неужели он уже умер? Так быстро и легко? Невероятно!.. А что же тогда случилось с шахом? Ведь он явственно видел, как этот, недвижно лежащий сейчас в луже крови парень все же успел сделать несколько выстрелов! Убил ли он Пехлеви? Совершил ли задуманное?

Стал ли героем? Нарекут ли его мучеником, погибшим за великую идею?...

Об этом Насеру Фахрараю оставалось лишь догадываться — если, конечно, мертвые способны хоть о чем-нибудь догадываться. Равно как и о том, какие последствия вызовет только что случившееся покушение в судьбе великой страны, готовой на очередном витке своей истории снова окунуться в пучину хаоса, политических убийств, интриг, сиюминутных свержений и монархических реваншей.

Не успел дым рассеяться, а шахский кортеж уже сорвался с места, унося с собой шаха, получившего незначительное ранение в щеку. Кортеж умчался, растворившись в улицах, как растворяется в кустах заяц, счастливо избежавший охотничьей пули.

Движение уже было перекрыто, площадь оцеплена, и случайные прохожие уже не раз пожалели, что оказались в той толчее, — теперь-то им стало известно, что означает оказаться под подозрением полиции в соучастии в заговоре...

Окровавленный труп Фахрарая лежал на асфальте. Фотограф доделал последние снимки. Один из офицеров охраны брезгливо поднял голову убитого за ухо, внимательно посмотрел в его остеклевшие глаза.

— Явный тудеист, — заключил он вслух, а

затем, оставив голову в покое, извлек из кармана Фахрарая стопроцентное подтверждение своей догадки — членский билет коммунистической партии Ирана «Туде». Обшаривая карманы, офицер по неосторожности замарал кровью свою белую перчатку. Выругался, пнул труп ногой. «Чертов тудеист! — подумал он. — Из-за этого шакала теперь будут шерстить всю охрану. Опять проверки, дознания...»

И в самом деле, куда подевалась их хваленая бдительность? Как так вышло, что убийца оказался в пяти шагах от шаха? Почему допустили такую оплошность? Непреднамеренно? А может быть, наоборот — с умыслом?... Разве кто-нибудь вспомнит теперь, что они сами стояли под пулями террориста! Только воля провидения помогла им избежать неминуемой гибели! Повернись дело чуть иначе, и рядом с мертвым террористом лежали бы их собственные тела! А то и труп владельца иранского престола!..

— Забирайте эту падаль, — зло приказал он солдатам. — Уезжаем.

Глава 2

Приручить хищную свору — вот как шахиншах называл необходимость обуздывать гнев... Ему по сану положено хладнокровно

относиться и к щедростям судьбы, и к ее ударам. Но в этот час Мохаммеду Резу было не до этикетов великих правителей — смесь ярости, недоумения, страха, злобы одолевали его! Они бурлили в нем и клокотали. Вырвавшаяся наружу, эта смесь способна была бы принести куда больше вреда, нежели пользы. Шах это знал, и потому медлил с вопросом. Он и так не проронил ни слова все это время — пока смывали кровь с лица, пока обрабатывали рану...

Тяжело и громко дыша, шах откинулся на мягкие подушки дивана, расстегнув верхние пуговицы еще не скинутого с себя мундира. Того самого мундира со следами неудавшегося заговора. Промелькнувшая мимоходом мысль на мгновение утешила его: впоследствии этот мундир выставят в Тегеранском офицерском клубе как символ преданности шаха своей стране и его готовности пролить за нее кровь...

Наконец шах заговорил.

— Жду объяснений, — свирепый его взгляд был устремлен в сторону полковника Мухтадира Икрами.

— Мы найдем виновных, Ваше Величество, — побледневшее лицо Икрами выдавало его тревогу, и не только за свое положение, но и за жизнь.

— Один из них мне уже известен, — нарочито

вяло, с хрипотцой процедил Пехлеви сквозь зубы.

— Он мертв. Мы застрелили его, — оправдываясь, ответил телохранитель шаха.

— Он меня мало интересует — мертвецы не раскрывают тайн. Я вижу виноватого перед собой, — монарший указательный перст метнулся в сторону Икрами. — Твоя оплошность чуть не лишила Персии своего шаха.

Пехлеви встал с дивана, и голос его стал набирать обороты в такт обвинительной речи:

— Мне нет еще и тридцати, полковник. Я еще не успел произвести на свет наследника престола, и в это проклятое утро все рухнуло бы, будь этот мерзавец немного точен.

...Еще не остудивший его пыл недавний развод с первой женой, дочерью египетского короля Фуада, добавлял гневных ноток в речь Пехлеви. Несмотря на то, что у Мохаммеда и бывшей шахини Фавзийе росла дочь Шахназ, вопрос о прямом наследнике был для него костью в горле. Для Персии необходим был наследник мальчик — за тысячелетия существования различных монарших династий Персии женщины так и не получили права официально наследовать престол великой империи. Чем вызывали явное осуждение английской стороны. Пехлеви, конечно, делали попытки модернизировать свою страну, даже обеспечили женщин равными правами, но

назвать дочерей прямыми наследницами персидского трона никак не вышло с их многовековыми устоями...

Сегодня утром одна шальная пуля могла прекратить ветвь Мохаммеда Реза. Случись так, престол перешел бы к другим его многочисленным родственникам, коих у его отца, основателя династии Реза-шаха, было предостаточно. Да и то при лучшем раскладе для Пехлеви. В худшем — империю ожидало появление новой монаршей фамилии, схожей по рождению с династией Пехлеви. Или же вовсе к упразднению в Иране института монархии в целом. Что и произошло — тридцатью годами позже.

— Куда смотрели мои люди? — шах терял самообладание, лицо его побагровело, но уже не от крови, а от наплыва ярости и злобы. — Как этот негодяй смог войти в толпу и пронести оружие незамеченным? Чем ты это все сможешь объяснить?

— Я верой и правдой служил вам и вашему отцу, правитель, — голос полковника был тверд, хотя он с трудом сдерживал предательскую дрожь. — Я был рядом с вами, когда он стрелял в вас. Хвала Аллаху, все мы живы. Даю слово чести, мы найдем всех, кто замешан в этом гнусном заговоре. Мерзавцы будут наказаны. Им не удастся избежать кары, шахиншах.

Пехлеви отвернулся и устремил взгляд на висящий портрет своего отца — Реза-хана, усопшего в изгнании повелителя... Отец с гордостью взирал на окровавленный мундир сына. Теперь тот выглядел как настоящий шах.

— Кому, кому я успел навредить, Мухтадир?! — он обреченно качал головой. — Кому нужна моя смерть?

— Коммунистам, шахиншах. Ваша корона не дает им покоя. Они до сих пор не могут простить вам свое поражение.

Икрами намекал на потопленное в крови народное движение в провинции Азербайджан два года назад.

— Если бы только коммунистам, — задумчиво произнес Мохаммед Реза, а затем резко повернулся в сторону полковника. — Вы узнали его имя?

— Да, Ваше Величество. Насер Фахрарай. В его кармане мы нашли членский билет «Туде».

— Получается, они решили проверить меня на прочность? Хорошо, я покажу, насколько крепким и безжалостным к врагам Ирана может быть их шах. — Пехлеви одернул свой окровавленный мундир. — Великий Аллах защищает меня, значит, я нужен своему народу. Он посылает мне знаки, которые я должен распознать и решиться на действия. Если я проявлю слабость, Он меня не

простит и больше не даст шанса выжить. Всевышний мудр, но не прощает глупых людей. Ты понимаешь меня, Мухтадир?

— Вы имеете в виду репрессии членов «Гуде»...

— И не только «Гуде», — шах сжал кулаки, исподлобья взирая на своего телохранителя. — Всех врагов Пехлеви! А значит, Ирана в целом.

Чудодейственное спасение монарха в одночасье запустило ржавый механизм в действие: слабый, нерешительный, получивший трон в наследство как разменную монету взамен отказа отца от персидской короны, Мохаммед Реза вдруг неожиданно сам захотел властвовать. В этот час он чувствовал в себе клокочущий зов крови.

— Я требую ввести в стране чрезвычайное положение. Если для наведения порядка нужно будет повесить на улицах Тегерана сотни коммунистов, мы это сделаем. Пусть больше никто не усомнится в моей решимости покончить с предателями в моей стране.

Казалось, что устами известного своим безволием Мохаммеда Реза говорит его воинственный отец. Словно на короткое время огромный казак Реза-хан, добывший власть с пашкой в руке и пулеметом «Максим», вселился в хрупкое тело сына. Сына, осваивавшего науки в швейцарском пансионе «Ле Роси».

— Я полагаю, у нас не так много времени, чтобы медлить, — Пехлеви сделал легкий жест кистью, глядя в пол, что означало конец разговорам и начало новым арестам.

Икрами вышел. Молодой шах присел на диван и прикрыл глаза рукою, стараясь подавить приступы сильнейшей головной боли.

* * *

Помощник советского посла в Иране Рустам Керими не без тревоги просматривал свежие номера иранских газет, главной темой которых стали события последних двух дней. Снимками Пехлеви, шахской охраны и застреленного террориста пестрила вся иранская пресса. Даже иностранные газеты не упустили шанс разместить снимки окровавленного пехлевийского мундира на своих полосах.

Советскому дипломату не нужно было вникать в каждую строчку, чтобы понять, кто станет главным подозреваемым в неудавшемся покушении на Мохаммеда Реза. Несложные умозаключения позволяли сделать вывод, что совсем скоро с ним выйдут на связь — кто-нибудь из близкого окружения Пехлеви.

В случае дипломатического, политического кризиса или подобного рода происшествий некие

влиятельные персоны пытаются вне официальных встреч прояснить ситуацию, стараясь найти односложный ответ на главный вопрос: кто повинен? Обычно после таких встреч в дело вступают официальные органы, включая МИД страны с вручением нот и демаршей. Это в случае, если сторонам не удастся договориться и убедить друг друга в своей лояльности. Или хотя бы в нейтралитете.

Почти в самом начале рабочего дня в кабинете помощника советского посла зазвонил телефон.

— Это Керими? — грубый мужской голос в трубке напряг и без того натянутые нервы Рустама.

— Да, — помощник посла всегда старался отвечать кратко и по возможности без проявления излишних эмоций.

— С вами говорит Мухтадир Икрами.

— Я узнал вас, полковник, — Керими нередко приходилось встречаться с человеком на том конце провода. Они были знакомы и относились друг другу с определенной долей уважения — насколько могут уважать друг друга солдаты с противоположных окопов.

— Думаю, вы не откажете мне в моей просьбе встретиться?

— Во дворце шаха?

— Нет. Для начала выберем окраину города.

— Я должен прийти один? — насторожился

Керими. После того, как его пару раз похищали на улицах Тегерана люди Сейида Зияддина, он стал избегать прогулок.

— Ваше право, — уступил Икрами. — Но будет лучше не привлекать лишних свидетелей. Я тоже буду один.

— Хорошо. Назовите время и место.

— Восемь вечера. О месте вам сообщат за два часа до встречи.

Рустам слегка отдернул штору — как бы ему сейчас хотелось увидеть падающие хлопья снега... «Надо будет сообщить послу и после подготовить отчет о разговоре. Боже, как это мне все осточертело, но выбора нет. Как говорил мой бывший инструктор Яков Привольнов, «или все или конец».

* * *

В таких случаях Рустам нанимал машину с простыми тегеранскими номерами и садился за руль сам. Не обязательно, чтобы на встречах подобного рода автомобили советского диппредставительства засекались на пленку. Он ехал один, без какого-либо сопровождения. Заряженная «ГТ-шка» в кармане его пальто — это скорее так, для самоуспокоения. Хотя в душе Керими понимал, что сегодня использовать

пистолет по назначению не придется. Да и вряд ли после личного звонка офицера шахской охраны его стали бы похищать. Или, того хуже, убивать. Рустам Керими стал слишком заметной фигурой, и его насильственная смерть могла бы вызвать не меньшей политической бури, чем покушение на самого шаха.

Рустам уже знал, как развернется их диалог. В глухом, безлюдном месте между советским дипломатом и телохранителем Мохаммеда Реза Пехлеви затевалась хитроумная словесная перепалка. Но он задаст пороку этому матерому тактику...

На встречу Рустам решил приехать чуть раньше назначенного времени, чтобы лучше узнать местность — сказала наработанная за годы учения и службы предписанная по инструктажу привычка изучать место встречи. Мало ли каких сюрпризов можно ожидать от старого лиса...

Свернув на обочину, Керими выключил фары и стал вдыхать ноздрями февральский холод наступающей тегеранской ночи. Унылый пустырь, отдаленный от людского поселения, напоминал о бренности этого мира. Голые деревья с тонкими скрюченными ветками, вздымающимися к небу, походили на людей с худыми руками и пальцами. Люди-деревья словно вымаливали у Аллаха прощение за земные грехи и просили, чтобы тот

послал мир на их измученную политическими дразгами страну, стоящую на пороге новой братоубийственной войны. Ветер раскачивал ветки, заворачивал дорожную пыль в юлящие шайтаны, подхватывал сухие кусты верблюжьих колючек, унося их прочь, в безвестность.

Чуть вдалеке маячил силуэт трех скучающих кипарисов на фоне тоскливой безмятежности. Наверное, кто-то из путников-зороастрийцев посадил их здесь очень давно. Они прижились и выросли в этом неестественном, глухом, тоскливом окружении. Керими знал, что по зороастрийской вере кипарис — символ жизни. Вот стоят они тут, словно три зеленые свечи, уткнувшиеся в небесную высь, а вокруг сочится кровь...

Бесконечный, почти безжизненный пустырь уносил мысли далеко-далеко. Нахлынули воспоминания далекого детства... Однажды их класс отправили на экскурсию в пригород Баку, в храм огнепоклонников в Сураханах... Позже он сам, будучи лектором университета, стал водить туда своих студентов. Именно во время этих экскурсий он многое узнал о загадочной религии — Зороастризме, последователи которого жили на территории Азербайджана и Ирана. Перед глазами несколько секунд стояли языки зороастрийского пламени, вырывающиеся из строения сураханского храма. Рустам уже стал чувствовать их тепло, пока

яркий свет фар не окатил пустырь своей непрошенностью, захлестнув далекие воспоминания и оживив гигантские тени, брошенные на дорогу «молящимися» деревьями.

Машина остановилась позади автомобиля советского дипломата. Керими заметил номера, принадлежавшие шахской охране. Вероятно, их владельцу, в отличие от Рустама, нечего скрывать и нет никакого дела до мнения других — с кем, когда и в каком мрачном месте он назначает свои встречи...

— Давно ждете? — сухо спросил Икрами, после того как пожал руку Рустама.

— Минут десять, — Керими почувствовал силу в этом крепком рукопожатии, и в памяти тотчас всплыл образ чекиста Якова Привольнова.

Мухтадир был крупным мужчиной. Бывший борец национальной иранской борьбы *зорхана*, силач, прекрасный стрелок, он являлся начальником шахской охраны и слыл на хорошем счету у династии Пехлеви. Личное доверие отца нынешнего монарха и долгая, относительно безупречная служба позволяли Икрами находиться в числе самых приближенных к Мохаммеду Реза персон. Их избирали тщательно.

Мухтадиру доверяли, несмотря на некоторые его пробелы в работе — он все же был больше костоломом и грубой силой, нежели мудрым

тактиком. Однако на эту встречу послали именно его. Взаимопонимание между противниками играло чуть ли не первую роль, так же, как личное доверие. Тут даже запятая без прикрас и изменений будет доложена сюзерену.

— Холодновато, Мухтадир, не желаете сесть в машину? — предложил Рустам и, чтобы не вызвать сомнений насчет лишних ушей, добавил: — В любую.

— Думаю, не стоит. Холодный ветер отрезвляет разгоряченные умы, — Икрами сделал тяжелый вдох, покручивая густые усы. — Мой хозяин в бешенстве, — полковник перешел к сути. — Все эти два дня его мучают кошмары по ночам и страшные головные боли. Я понимаю его состояние, так как сам переживаю примерно то же самое. У меня четверо детей, и в один ничтожный миг они могли остаться сиротами, как и другие дети наших ребят, когда этот ублюдок стрелял в шаха. И в нас, — добавил Икрами с паузой. — Трудно расти без отца, Рустам, не так ли? Сироту может обидеть каждый шакал. Если Фахрараю удалось бы убить шаха, то Иран тоже остался бы сиротой и каждый смог бы безнаказанно обижать и унижать нашу страну. Ведь у Мохаммеда Реза нет еще наследника — после смерти правителя началась бы кровавая битва за персидский трон. Когда же бьются за трон те, кому он не принадлежит по праву, забывается

безопасность самой страны...

«Странно, по какому такому праву казак Реза-хан присвоил себе персидский трон?» — Рустам сдерживал ухмылку, слушая напыщенную речь Икрами.

Глухой кашель прервал речь полковника. Керими, заложив руки за спину, сохранял молчание, предоставляя право собеседнику развить логику своей отрепетированной речи.

— Это моя работа, Рустам, — откашлявшись, продолжил Икрами. — И если надо отдать жизнь за Мохаммеда Реза, я это сделаю без раздумий. Я многим обязан Реза-шаху. Это он привел меня к себе, нищего казвинского мальчишку, и сделал из беспризорного борца Мухтадира того, кем я сейчас являюсь — грозным полковником Икрами.

Керими знал про доблести офицера шахской охраны. Не одна душа замучена в этих крепких ручищах, но что поделать — в таком окружении каждый сам для себя определяет правила игры. Икрами, в отличие от многих, эти правила не нарушал. Его называли человеком слова, а потому с ним можно было вести относительно честный разговор.

— Я присягнул своему правителю, пусть душа его покоится с миром, всем своим сердцем. Никогда его не предавал, как не предаю и Мохаммеда Реза, что бы там о нем не судачили его недруги. —

Мухтадир машинально посмотрел по сторонам, словно искал затаившихся в темноте врагов. — Но четвертого февраля вы перешли красную черту. Это акция намного страшней того, что вы устроили на севере Ирана.

— Безусловно, сущий пустяк, — Рустам понял, что настало время «выпустить паяца», — разве стоит жизнь десятка тысяч беззащитных детей и женщин одного кровавого шахского мундира!

Однако черная ирония Керими разозлила полковника не на шутку:

— Вы тоже переходите грань дозволенного, агайи Керими.

— Я еще не начал свою защитную речь, Мухтадир, чтобы переходить границ. Пока мне только приходится выслушивать поток гневной, обвинительной речи, увы, лишенной логического зерна...

— Может, вы хотите сказать, что террорист, которого мы пристрелили, не коммунист?! — грозная ухмылка появилась на лице полковника. — С легкой руки вашего правительства создана «Туде» — раковая опухоль иранского народа, которая только и тешит себя мыслью скинуть шаха и прибрать власть к своим рукам. Коммунисты все еще не напились нашей кровью? Им мало наших бед? Что еще им нужно от иранского народа?

— Если вы о документе, якобы свидетельствующем о принадлежности Фахрарая к партии «Туде», то это для наивного читателя столичных газетенки. А для здравомыслящего политика и дипломата, который желает выяснить реальную подоплеку случившегося, — обыкновенная фальшивка.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что сказал. Слишком много необъяснимого и неясного в поступке террориста. Он выходит на столь рискованное дело, зная, что в лучшем случае его схватят, а в худшем — пристрелят, со спокойной душой кладет в карман свой партийный билет... Вы не считаете это очень опрометчивым шагом с его стороны, полковник? Ну же, призовите свою логику. Зачем человеку, покушавшемуся на жизнь шаха, удостоверить свою личность официальным документом?

— В том-то и коварство коммунистов. Тудеисты все четко вычислили, на несколько шагов вперед.

— О, понимаю. Мудрые тактики заговора тоже мыслили категориями нелогичности, а потому решили пойти на столь рискованный и своеобразный шаг как афиширование собственного заговора. А не кажется ли вам, что это означает попытку запутать следы? Ведь что получается: все подумают, что членский билет — фальшивка, а мы

специально привяжем эту приманку так, чтобы те, для кого она припасена, проглотили ее еще глубже. Или наоборот, документа не было вовсе, а его просто подкинули, чтобы развязать репрессии в отношении активистов «Гуде».

— Хочу вас разочаровать, Рустам. Мы действительно извлекли партийный билет «Гуде» из кармана Фахрарая, иначе терялся бы смысл нашего разговора.

Керими неожиданно вытащил заряженную «ГТшку». В темноте трудно было различить глаза Икрами, слышалось лишь его тяжелое дыхание.

— Было бы очень смешно спастись от пуль террориста и умереть от рук дипломата, — вдруг захохотал Икрами, прерываясь громким кашлем.

Рустам, пропустив мимо ушей слова полковника, сделал выстрел в сторону, громким эхом прокатившийся по тегеранскому пустырю. Все равно здесь ни души, и их никто не заметит. Иногда столь неожиданная разрядка помогает понять, что желает сказать собеседник.

— Поверьте мне, Мухтадир, — Керими опустил дуло пистолета вниз, — у коммунистов очень опытные ликвидаторы. Намного сильнее, чем вы могли бы предположить. Если бы они хотели застрелить Пехлеви, то нашли бы более искусственного стрелка, а не слюнтяя, который умудряется промахнуться с трех шагов. Я никогда

не был ликвидатором, но на спор могу даже в кромешной темноте послать точно в цель пять из пяти пуль с расстояния десяти шагов. Не хотите проверить?

— Здесь нет подходящей цели, — буркнул полковник. — Поберегите пули, Рустам, они могут вам еще пригодиться в наше беспокойное время.

— Тем не менее, вы идете по ложному следу. В погоне выдавать желаемое за действительное вы не хотите, или не можете, понять, что Иран снова пытаются втянуть в страшную авантюру. Это неудавшееся покушение — всего лишь прелюдия к будущим потрясениям и новым политическим убийствам, после чего страну начнет лихорадить и бросать из одной крайности в другую.

— И вы, конечно же, хотите нам помочь этого избежать? — усмехнулся Икрами, показывая свое явное недоверие к словам советского дипломата.

— Вряд ли мы будем главными устроителями, полковник. Те, кому нужен хаос в Иране, дадут о себе знать в ближайшие два-три года.

— И кто же это?

— Игроков много. Каждый будет соблюдать свой интерес.

— И шурави не исключение?

— Не хотелось бы вас обманывать, ответив «нет», — Рустам тянул одеяло на себя. — Все будет зависеть не только от нас, но и от желания шаха и

иранского правительства учитывать наши интересы. Все-таки мы соседи, Мухтадир, а близкий сосед, как вам известно, роднее дальнего родственника.

— Жаль вас расстраивать, Рустам, но иранцы на своей земле будут действовать исключительно из соображений собственной национальной безопасности и уважения к суверенитету своей страны.

— Смею напомнить, что Насер Фахрарай тоже был гражданином Ирана, — сказал Рустам.

— С предателями разговор у нас будет иным, агайи Керими, — покрутив усы, ответил полковник. — На прощание мне поручено довести до вас слова моего хозяина, что в случае еще одной попытки покушения на шаха мы не ограничимся лишь введением чрезвычайного положения и запрета в стране коммунистической партии. Ответ будет адекватнее, каких бы рисков он нам не стоил, — офицер охраны посмотрел на пистолет Керими. — Спрячьте его, Рустам. Оружие в руках дипломата смотрится нелепо. Лучше держаться подальше от пороха — при воспламенении он может сжечь даже хозяина.

— Я приму к сведению ваш совет.

Обмен мнениями завершился. Каждая из сторон сделала для себя необходимые выводы.

Ветер сменил направление и стал мчаться на

запад, неприятно ударяя в лицо мелким песком. Рустам надвинул шляпу на глаза, придерживая ворот теплого пальто левой рукой, а правой продолжал держать заряженный ТТ. Мухтадир был прав: в руках опытного полковника охраны пистолет смотрится куда естественнее. Однако на ночном пустыре тегеранской периферии, в стране, где даже правители не могут спать спокойно, порох лучше держать сухим и не бояться обжечься, когда он воспламеняется... В противном случае ты рискуешь оказаться легкой мишенью.

* * *

«В связи с введением на территории Ирана чрезвычайного положения, а также запрещением деятельности коммунистической партии и санкционированием ареста ее главных активистов предлагаю вывести за пределы Тегерана и даже Ирана некоторых членов партии «Туде», являющихся важным звеном в нашей агентурной цепи. Это поможет уберечь наши связи и использовать их в дальнейшем. Необходимо также принять во внимание, что события в Иране могут иметь самые непредсказуемые

последствия в ближайшие несколько лет и влиять на геополитическую ситуацию как в регионе, так в мире целом на долгие годы вперед. Учитывая вышеуказанные факты, было бы целесообразно проводить усиленную работу с иностранной резидентурой по определению дальнейших планов главных игроков в регионе.

Агент «Блюмин»

В шифрограмме в ближневосточный департамент МИД СССР под агентурным именем «Блюмин» скрывался не кто иной, как Рустам Керими. Его шифровки под различными именами — «Дост», «Север»... — периодически информировали Москву о вероятности тех или иных судьбоносных событий в жизни Ирана, могущих иметь решающее значение для определения внешнеполитического курса Советского Союза как в отношении южного соседа, так и главных мировых сил в ближневосточном регионе. Несмотря на предостережение Керими, ряд активистов спасти не удалось: многие были арестованы, некоторые пропали без вести... Кто-то, не выдержав жестоких пыток, погибал или сходил с ума.

Персидский вулкан вновь входил в свою

активную фазу, втягивая в свой огненный кратер новые жертвы.

Глава 3

Тегеран. Февраль 1951

Хаджи Али Размара знал цену времени. Умея выждать и полагаясь на волю случая, он получил-таки должность премьер-министра. Впрочем, так же «скоропостижно» он мог потерять ее. Подобное уже происходило до него. И будет происходить после. В смутное время ближневосточной сумятицы легко взойти на олимп власти, но намного легче с него слететь, не говоря уже о том, что порой при этом теряется больше, чем заветное кресло премьера, — теряется здоровье, свобода, жизнь.

Но первое, что терял каждый новоявленный премьер-министр Ирана, пытавшийся по-своему сохранять стабильность в стране, так это свое собственное спокойствие. Такова была дорогая плата, а вместе с ней кара за бремя власти. А власть беспощадна к тем, кому она принадлежит.

Бывший командующий вооруженными силами Ирана генерал Размара понимал это как никто лучше. Это был человек железной

дисциплины, привитой ему во время учебы во французской военной академии Сен-Сир, основателем которой являлся великий Наполеон Бонапарт. Али Размара относился к той категории личностей, которые в результате обучения в европейских академиях пытались перенять все самое лучшее из культуры других народов, не забывая традиций, истории и обычаев собственного этноса. Он осознавал пагубность политики Реза Пехлеви, который на свой солдафонский манер прививал западноевропейскую культуру патриархально-консервативному народу Персии. Отдать приказ насильно сдирать с женщин чадру прямо на улицах Ирана, оправдывая это европеизацией одежды своих граждан, мог лишь человек с низким уровнем культуры и кругозора.

Размара был политиком не из их числа, но он и не был шахом. Хотя обладал огромными полномочиями. Он пытался играть на противовесах, стараясь снизить влияние англичан, американцев, шурави и иранской религиозной оппозиции путем поощрений, запретов или незначительных уступок. Порой это вызывало удивление, реже одобрительный ропот, чаще — возгласы недовольства, как со стороны радикальных клерикалов, так и англосаксонских хозяев иранской нефти. Много вопросов, на которые было бы любопытно получить не совсем уклончивые ответы.

Журналисту «Франц-Пресс» тоже было интересно послушать премьера Размара, тем более что французская нефтяная компания имела свои виды на иранские углеводороды.

Двери премьерского кабинета были распахнуты, и в назначенное время, без опозданий журналист «Франц-Пресс» Даниель Жуллен и генерал Размара приступили к интервью. Несколько общих фраз о мировой политике, об отношениях Ирана и Франции, а потом о главном: ситуации в самом Иране, его отношениях с США, Англией, Россией, о трениях в Меджлисе и угрозах физической расправой. Вот что будоражило воображение тех, кто живо интересовался ближневосточной политикой.

Жуллен: Мсье Размара, вас считают очень неудобным человеком для ведения переговоров.

Размара: За свою жизнь я слышал много обидных слов от своих недругов, для которых единственной целью являлось оскорбление генерала Размара. Жаль, что остальное их не интересовало.

Жуллен: Некоторые считают за честь быть неудобным переговорщиком, утверждая, что это почти синоним неподкупности.

Генерал Размара считался кристально честным человеком. Презрение ко всякого рода подношениям, взяткам, ритуальным славословиям, включая склонение головы и лобзание монаршей ладони, отдаляли его от шаха и придворной свиты. Такое достоинство офицера не всегда ценится, и даже напротив — всегда приводит к склокам со стороны многочисленной толпы завистников и недоброжелателей.

Размара: Я понимаю, о ком вы говорите, но требовать справедливости для собственного народа не означает быть неудобным. У меня очень непростая ситуация, мсье Жуллен. Она требует от меня решительных действий во благо Ирана, но некоторые мои сограждане, как и ряд иностранных коллег, воспринимают мою решимость как оскорбление, подрывающее их собственный интерес. Личные дивиденды для них выше страданий миллионов людей, моих сограждан. Только я не могу понять, какие общие интересы могут быть у Белого Дома, Даунинг-стрит, 10 и таких политиков, как Абдол Гасем Кашани, ведущем свои проповеди в стенах Меджлиса так, словно он находится под куполом тегеранской мечети. Такие персоны часто путают политику с религией, и это таит

в себе немалую опасность.

О своих внутренних сомнениях относительно шаха и его политики премьер-министр по известным на то причинам в своем интервью умолчал. Равно как и о личных качествах Мохаммеда Реза Пехлеви, отражающихся на его руководстве страной и на отношениях со сверхдержавами.

Жуллен: Весьма образное сравнение Меджлиса.

Размара: Иногда приходится говорить метафорами, чтобы яснее представлять всю драматичность ситуации. Многие требуют от меня национализации нефтяных концессий, не понимая, к каким бедам и несчастьям это может привести. Тысячи людей станут безработными, окажутся без средств к существованию. Они наводнят улицы, протестуя против своего бедственного положения и требуя от правительства кардинальных мер. Угроза политической и экономической изоляции усугубит социальное положение народа еще больше. Легко кричать «Я люблю Иран!», гораздо сложнее доказывать свою любовь на деле. Лжепатриотизм всегда громко

слышен, но очень сложно увидеть его благие дела

Жуллен: Вы против национализации нефтяных концессий, но как понять ваше решение о запрете вещания радиостанции «Голос Америки» на территории Ирана? Насколько этот шаг совместим с заботой о благосостоянии вашего народа? Не усматриваете ли вы в этом риск попасть в политическую и экономическую изоляцию? Оппоненты обвиняют вас в приверженности левым идеям и усматривают в этом угрозу нарастания коммунистического влияния в Иране, хотя очевидно, что отказ от национализации иранской нефти доказывает обратное.

Размара: Я не только запретил антисоветскую и антииранскую пропаганду, которой были напичканы программы «Голоса Америки», но еще и отозвал всех наших молодых офицеров, обучавшихся в США. Я сам прошел обучение во Франции, и такие военные академии, как Сен-Сир, ничем не уступают своим заокеанским учебным заведениям схожего профиля. Никто не может диктовать Ирану свои условия. У моей великой страны всегда

найдется выбор, отвечающий ее интересам. И, поверьте, мы всегда найдем достойную замену для учебы своих офицеров. Относительно моей приверженности к левым идеям — это не более чем стремление жить в мире и согласии со своими торговыми партнерами. Хочу заметить, что Советский Союз — наш близкий и влиятельный сосед. Нас не разделяют океаны и государства. У нас общая, протяженная на многие километры граница. Мы вынуждены, невзирая на все проблемы прошлого, продолжать жить и уважать друга в пределах предусмотренных международным правом границ. Мы увеличили торговый оборот с Советским Союзом и, надеюсь, будем увеличивать его впредь. Это, может, кому-то не нравится, но экономическая выгода Ирана и его многострадального народа выше их предпочтений.

На Даниеля Жуллена этот стройный, подтянутый генерал, прекрасно говорящий на французском, произвел впечатление самое что ни есть великолепное. Своим коллегам Жуллен скажет, что за такими политиками как Али Размара будущее Ирана.

Они познакомились в Париже три года назад. И он тут же потонул в омуте ее сине-зеленых глаз... От очарования и обаяния Сораи Исфандияри не раз теряли голову великие мира сего, включая президента Джона Кеннеди. Ее красота была результатом удивительной смеси — отца Халила Исфандияри, выходца из бахтиарского племени, посла Ирана в Германии, и немецкой матери Евы Карл.

Шах был разведен, наследника-сына у него не было, и единственная дочь Шахназ, от первого брака с египетской принцессой Фавзией, не могла по закону претендовать на иранский престол... Одним словом, все его надежды были связаны с этой, изумительной красоты девушкой, которая должна была продлить род Пехлеви еще на долгие тысячелетия шахского правления в Иране. Во всяком случае, так предполагал молодой иранский монарх.

Была назначена дата долгожданного дня бракосочетания — 27 декабря 1950 года. Но невеста почувствовала недомогание, и свадьбу пришлось отложить до февраля. Позже Мухаммед расценит это как дурной знак, предостережение свыше, что этому браку не суждено оказаться счастливым.

Прекрасная Сораия не смогла продолжить род Пехлеви. Неспособность к деторождению стала

главной причиной их развода. Шах предпримет этот трудный для него шаг с чувством полной горечи...

Однако это произойдет через семь лет, а пока окрыленный любовью монарх готовился к своей второй в жизни свадьбе, получая поздравления и дорогие подарки со всех уголков мира. Ближайшие северные соседи шаха не остались в стороне от столь торжественного события: был приготовлен воистину большевистский подарок — столовый набор, украшенный черными бриллиантами. Все было передано в посольство СССР в Тегеране, с поручением Ивану Садчикову передать новобрачным самые теплые пожелания генералиссимуса Сталина и всего советского народа.

Встреча была назначена в шахском дворце Саадабад. Посла, как полагается в таких случаях, должен был сопровождать его помощник Рустам Керими, который, помимо сопровождения по дипломатическому этикету, выполнял функции переводчика советского посла.

Всякий раз при встрече с шахом Рустаму стоило больших усилий подавлять в себе внутреннюю дрожь, вызванную гневом и злобой по отношению к этому человеку. «Дипломат должен улыбаться» — твердил сам себе Керими, и ему приходилось «скалить зубы» перед этим

самонадеянным павлином, страдающим патологической формой нарциссизма и мегаломании. Перед этим монстром, потопившим в крови тысячи невинных детей и женщин, земляков Рустама!..

Благо, их встречи были короткими, и шах особо не удостаивал Керими своим вниманием. Он относился к нему как к техническому персоналу, в функции которого входило доводить до сведения иранского монарха позицию советского правительства. До Мохаммеда доходили слухи, что когда-то его сестра Ашраф благоволила к этому советскому дипломату с благородными чертами и манерами, выходцу из богатой азербайджанской семьи, проживавшей до 1921 года в Персии. Но сей факт лишь усугублял отношение шаха к Рустаму. Были даже попытки объявить Керими персоной нон-грата в Иране, но МИД СССР, учитывая заслуги Керими на ближневосточном направлении, делало все возможное, чтобы не допустить выдворения ценного дипломата за пределы Ирана.

— Что же вы такой хмурый, Рустам? — поинтересовался Садчиков.

— Мигрень, — коротко ответил Керими.

— Таблеточку выпейте, помогает. Подарки готовы?

— В машине.

— Проверено?

— Четко, без изъянов. Блестит и полыхает — все, как любит шах.

Садчиков, улыбаясь, покачал головой. Ему были известны «возвышенный чувства» Керими к шаху, но ничего не попишешь, такова их работа — приказ партии и правительства. Сопровождать Садчикова должен был только Рустам Керими, и никто иной. А что касалось личных эмоций Рустама, то никому до этого, по большому счету, не должно было быть дела — эмоции необходимо, переводя с языка брани, прятать далеко внутрь себя.

«На дворе трава, на траве дрова» — обычно эту скороговорку Рустам проговаривал, когда сильно нервничал. Проговаривал не вслух, а так, про себя. Чтобы не выглядеть чересчур нервным. Так он делал и сейчас, сидя в автомобиле советского посла на пути к дворцу Саадабад. Это расслабляло его и убивало время, мучительно тянувшееся, словно тягучая смола.

Он и не заметил, как автомобиль посольства подъехал к шахской резиденции.

* * *

В торжественных случаях Мохаммед всегда надевал свое парадное одеяние. Вот и сейчас он позировал перед зеркалом, важно приосанившись и

поворачивая свое туловище влево и вправо. Всевозможные ордена и медали украшали его белоснежный военный мундир. Казалось, шах так и ищет повод, чтобы нацепить все блестящее и сверкающее на себя, полагая, что этим можно ослепить недругов, завидующих его венценосному великолепию. Об этом комплексе неполноценности, доставшемся ему из далекого детства, приближенные Пехлеви разумно умалчивали. Это был ни много ни мало комплекс несостоявшегося, несмотря на полученное военное образование, полководца. Сидя на игрушечном коне и размахивая деревянной шпагой, шах отдавал приказ оловянными солдатиками и тешил себя мыслью, что он великий стратег. Это был комплекс труса, чья главная битва заключалась в подавлении безоружного народа. Над головой Мохаммеда никогда не свистели пули, его «голубая» кровь не проливалась на полях сражений.

Попытки покушения на шаха и его окровавленный мундир, как результат одного из таких покушений, разумеется, в планы монарха не входили. Он не участвовал ни в одной военной кампании, которая могла указать на талант верховного главнокомандующего, его способность возглавлять армию и свой народ. Когда же его собственная безопасность ставилась под угрозу, он поступал в соответствии со своим внутренним «я»

— просто давал деру. И делал это на протяжении всего своего правления неоднократно.

Теперь же он стоял, гордо приподняв орлиный нос, слушая, как посол страны, желавшей когда-то прибрать к рукам его северные провинции, с убажачающей улыбкой дарил казацкому отпрыску черные бриллианты.

«Нарядился, как новогодняя елка», — мысленно проскрипел Керими в паузе между синхронным переводом. Шах не читал его мыслей. Помощник посла был для него не более чем говорящим шкафом.

— Руководство Советского Союза, — произнес посол Садчиков, — желает вам счастья в вашем браке и просит принять в знак дружбы скромный подарок от имени нашего народа и лично товарища Сталина.

Шах многозначительно кивнул и, получив весьма «скромный подарок», произнес банальную речь, в которой сообщил, что всегда считал генералиссимуса Сталина и советский народ своими друзьями и добрыми соседями, надеясь, что это будет и впредь.

За все время встречи шах ни разу не удостоил Керими своим вниманием. Очевидное игнорирование высокопоставленного дипломата было еще одним камешком в груди комплексов неполноценности монарха поневоле.

Встреча, продемонстрировавшая во всей красе лицемерие и фальшь, была завершена. Советская делегация возвращалась к будням.

— Прямо не шах, а леденец нарядный, — усмехался Иван Садчиков, уже сидя в посольской машине.

— Еще бы. Великий шахиншах. Видали, сколько у него медалей? — поддерживал иронию посла его помощник. — Знать бы, за какие заслуги.

— Да какие у него могут быть заслуги, Рустам? Тщеславный недотепа, вот и все дела. Сдается мне, этот хиляк в мундире не дотянет до своего срока. Не по Сеньке шапка Мономаха, — со вздохом произнес Садчиков, не определив только точное время своего дипломатического пророчества.

Попав к себе в кабинет, Рустам снял с себя нарядный фрак и галстук-бабочку, сел в кресло и заснул минут на пятнадцать. Только так он мог приглушить приступы сильной головной боли, доставшейся ему лет десять назад... Толпа фанатичных иранцев разбила ему булыжником голову на одной из улиц Тегерана. То злополучное событие «увековечено» на его лице легким шрамом.

Глава 4

Тегеран. Март 1951

Молодой плотник Кахлил Тахмасиби находился в главном молитвенном зале тегеранской мечети.

Устланный коврами пол, сводчатые арки, расписанные *айатами* Корана стены мечети, свисающая из-под огромного купола яркая люстра — все гармонично материализовывалось в теорию о краткосрочности человеческого пребывания на земле. Кахлил стоял посреди этой гармонии, философски поглаживал свою густую бороду, и думы его были о вечности, что уносит душу ввысь — по той самой золотой нити, соединяющей люстру с куполом... Никаких излишеств в аскетическом убранстве мечети. Оно и понятно: ничто не должно отвлекать молящегося в стенах Дома Аллаха.

Совершив свой полуденный намаз, Кахлил оглядел стоящих рядом людей, читающих Коран. Царило идиллическое безмолвие, нарушаемое легким шепотом молящихся и чтецов. Делая легкие маячные движения — для лучшего запоминания, чтецы были погружены в священный текст. Во время таких погружений они могли запоминать по несколько сур, состоящих из множества *айатов*.

Кахлил задержался в мечети не только для заучивания молитв и чтений священных стихов. Он

ждал человека, который должен был несколькими незначительными фразами дать отчет началу главной миссии его жизни. Лавры «мученика» Насера Фахрарая не давали покоя многим из тех, кто хотя бы в мыслях не пытался избавить землю Персии от жадных и подлых кяфиров. Более достойного места в истории своей страны они не находили. Не каждому дано быть сыном солдата-конвоира и стать шахом великой Персии, кто-то должен расчищать дорогу, а кто-то — ходить по ней, утверждая новый порядок справедливости и братства. Главное, чтобы хозяин не был чужаком...

Кахлил прошел к сводчатой арке в малолюдной части зала и стал ждать. Через пару минут, бесшумно ступая на ковер и слегка сгибая спину, в зал вошел человек в восточном халате и чалме, приблизительно такого же возраста, что и Тахмасиби. Раздавая почтительные поклоны по сторонам, он тоже направился к арке.

Молящиеся в мечети зачастую были знакомы и, завершив молитву, приветствовали вновь вошедших такими же вежливыми поклонами головы. Знакомства различались по степени взаимоотношений. Чаще знакомство было поверхностным — люди знали друг друга в лицо и не более, реже — по имени, еще реже — по роду занятий, а в отдельных случаях — по помыслам, как правило, тщательно скрываемым.

В каждую пятницу, когда в полдень мусульмане собирались на большую пятничную молитву, происходило еще одно новое знакомство. На одной из таких пятничных молитв и произошло знакомство Кахлила Тахмасиби и человека, приближающегося сейчас к нему мягким, кошачьим шагом и с легкой учтивой улыбкой на устах.

— Агайи передал тебе самые добрые пожелания, — полушепотом произнес он, не указав имени «агайи» в целях конспирации, но Тахмасиби знал, о ком идет речь.

— Благодарю, — прижав правую ладонь к груди, ответил Кахлил.

— Агайи выразил надежду, что все, что мы задумали, будет претворено в жизнь, и мы освободим страну от кяфиров, — голос снизошел ниже молитвенного шепота.

— Сколько человек? — так же шепотом спросил Тахмасиби.

— Четверо. Трое будут тебя прикрывать на случай, если...

— Никаких если, — перебил Тахмасиби. — Я не Насер Фахрарай. Провала не будет. Уж я-то прекрасно стреляю.

— Довожу до твоего сведения приказ агайи, — глаза собеседника Кахлила бегали по сторонам, пытаясь уловить чуткие уши врагов, но никого на расстоянии обычной слышимости не

было. — Нас будет четверо. Трое будут ждать в толпе и наблюдать за твоими действиями. В конце все должны покончить собой. Ты не передумал?

— Нет. Я готов. Ради великой идеи.

— Прекрасно. Я тоже иду на это с чистой душой. Персия должна быть свободна от иностранной нечисти. Ни один гяур больше не будет отдавать приказы правоверным мусульманам. Крепись.

— До встречи в раю!

— До встречи в раю, брат!

Собеседники крепко пожали друг другу руки, и вошедший удалился так же тихо, чуть согнув спину, по-кошачьи семеня в сторону выхода из главного зала мечети.

Кахлил наблюдал, как нескольких молодых тегеранцев совершают новые *рикаты* в полуденном намазе, преклоняя колени и голову перед Аллахом. Его мысли пустились в хаотичный, безостановочный танец, с причудливыми формами и неизвестными ему ранее звуками, отдаленно напоминающими музыку.

Кахлилу не было страшно. Он ощущал вкус смерти как горьковато-сладкую смесь некой неведомой ему ранее пищи, которую вскармливали ему из невидимой большой тарелки. Кончиками пальцев он словно наяву нащупывал ее каемочку с орнаментом, вытесненные на ней узоры и острые

края, готовые порезать его пальцы в кровь. Он чувствовал запах и вкус стряпни всей своей молодой физической плотью. Террорист вкушал пищу мученика, которой невозможно было насытиться.

Он готов был уже сейчас принести себя в жертву, но для исполнения мечты нужно было дождаться седьмого числа. Стоя на узорчатом ковре, он рисовал в своем воображении картины наслаждений после земной жизни, в которые он окунется. В раю Кахлил не хотел быть плотником. Агайи ему это обещал.

* * *

— Расступись!.. Дорогу!.. Не приближаться!.. — кричали телохранители Али Размара, рассекая толпу руками. Твердой офицерской походкой стройный, чуть худощавый генерал шел по расчищенному живому коридору. Он направлялся к главным воротам одной из центральных тегеранских мечетей. Шел спокойно, не ощущая тревог и потаенных страхов. Человек, прошедший сквозь горнило кровавых батальи, теряет ощущение скрытого инстинкта самосохранения в мирной жизни. А между тем именно этот инстинкт способен в неуловимый момент убересть человека от рискованного шага,

который может стать для него последним. Ангелы-хранители солдата, видимо, устав от свиста пуль, взрыва снарядов и запаха крови, в этот час были расслаблены... Равно как и телохранители премьер-министра, которые не заметили, как из толпы вдруг выскочил бородатый мужчина с пистолетом в руке.

Первая же пуля, пущенная из пистолета Тахмасиби, попала в затылок премьера, остальные две бессмысленно вошли в тело уже мертвого Размара. В отличие от Насера Фахрарая, террорист из вооруженной группировки «Федаины Ислама» был точен. Нужно ли говорить, что премьер-министр погиб на месте от первого же выстрела... Полицейский, пытавшийся схватить террориста, получил свою порцию свинца, но, к счастью для себя, был только ранен.

Тахмасиби уже почти приставил пистолет к виску, но выстрелить не успел. Те трое в толпе, убедившись, что цель достигнута, с религиозными выкриками вытащили кинжалы, желая вспороть себе животы, как самураи... Но и они тоже не успели.

Сценарий был живописным, с преобладанием красных тонов. Больше крови — чужой и своей. Здесь не один Кахлил Тахмасиби. В толпе — целая россыпь бесстрашных федаинов, готовых умереть за святое дело.

Агайи очень мудрый стратег. Он знает психологию толпы и тех, кто правит ею. Только так можно добиться желаемого. Путем запугивания кровью трусливой серой массы и ее предводителей, бравирующих своей мощью и непоколебимостью в мирное время, но поджигающих хвосты при виде реальной смерти.

Генерал Размара погиб как настоящий воин. Он достойно нес свое офицерское звание. Его мундир не будет выставлен в тегеранском музее или в офицерском клубе, но это мундир настоящего офицера — честного, благородного интеллектуала, генерала Гаджи Али Размара.

* * *

Радио в кабинете Керими было включено. Неожиданно прервалась лирическая персидская мелодия, и эфир заполнил встревоженный голос диктора: *«Срочное сообщение правительства Ирана. Уважаемые сограждане, сегодня на премьер-министра нашей страны агайи Гаджи Али Размара было совершено покушение. Террорист, воспользовавшись большим скоплением людей, выстрелил в премьер-министра из пистолета. От полученных ран агайи Размара погиб на месте. Личность покушавшегося и его сообщников уточняется. В этот трагический для страны день*

мы приносим свои соболезнования родным и близким агаи Гаджи Али Размара, а также всему иранскому народу».

— Началось, — тяжело вздохнул Рустам, дослушав сообщение. — Вернее, все еще продолжается.

Рустам уважал погибшего генерала, считая его одним из светлых умов страны. Ему было искренне жаль генерала Размара, этого благородного человека из среды высшего офицерского состава иранской армии.

«Необходимо срочно доложить послу Садчикову и готовиться к похоронам премьер-министра» — в голове Керими замелькали разные мысли. В том числе мысль о возможной провокации во время прощания с премьером. Каждая из противоборствующих сил в Иране попытается использовать похороны Размара в свою пользу, устроив из трагедии яркое лицемерное представление. Было бы неприятно участвовать и лицезреть этот фарс.

Но деваться было некуда. Таковы были реалии его дипломатической работы.

* * *

— Не могли бы вы мне объяснить, Рустам, откуда у этой пестрой толпы в руках «Голубка»

Пикассо? — посол Садчиков беспристрастно наблюдал, как многотысячная людская масса, принимавшая участие в похоронах Размара, скандировала коммунистические лозунги. Это был даже не вопрос, а вполне прозрачный намек на то, кто кукловодил этой многотысячной манифестацией.

— Разве она пестрая? — грустно усмехнулся Керими. — Мне она кажется безнадежно серой и убогой.

— Пестрота — в мыслях и в поступках, а не в одеянии. Никогда не думал, что у левых идей такие яркие приверженцы в Персии и что они так беспрепятственно будут шагать по центральным улицам столицы.

— Может, спросим у Грейди? — к месту спросил Керими.

Посол США стоял неподалеку, наблюдая за похоронами с таким же каменным выражением лица, как и у советского посла.

— Он шуток не понимает. Обидится еще, ноту протеста даст. Сейчас не к спеху, — Садчиков заметил в окружении официальных лиц огромный силуэт личного охранника Мохаммеда Реза. Шаха рядом не было, но верный пес должен быть на страже и, почуяв резкие посторонние запахи и звуки, срочно доносить хозяину.

— Кстати, Рустам, встреч больше не